

Юн Ци не мог действовать решительно, потому что, даже когда он ласкал себя, у него получалось из рук вон плохо. И сейчас вместо того, чтобы получать удовольствие, младший брат покрывался холодным потом. Почему же тогда ласки самого Юн Шаня приносили ему такое наслаждение?

Чем больше он думал об этом, тем сильнее его взгляд метался и в большей мере его мысли становились какими-то странными. Взяв руку Юн Ци и положив на своё достоинство, Юн Шань терпеливо уговаривал:

— Старший брат, доведи свои ласки до конца, и неважно, умелыми они будут или нет, хорошо? Пусть старший брат просто представит, что я — это Юн Линь.

Юн Шань сильно недолюбливал Юн Линя, и Юн Ци прекрасно это знал. Юн Шань постоянно впадал в ярость почти от всего, что было связано с его братом-близнецом. Услышав такие слова от младшего брата, который по натуре был человеком очень жестоким, юноша почувствовал себя неловко.

Тоска вдруг захлестнула Юн Ци от макушки до кончиков пальцев. Юноша не различал, что это за ощущения, и откуда они взялись. Когда порыв чувств дошёл до горла, Юн Ци не смог сдержаться и, скрепя сердце, проговорил:

— Мои руки совершенно бесполезны, нельзя ли... Нельзя ли использовать моё тело?

Сказав это, Юн Ци резко застыл.

Но не только он, Юн Шаня эти слова тоже повергли в шок.

Все движения прекратились, словно их кто-то резко остановил.

В этот миг Юн Шань невольно задержал тяжёлое дыхание, которое ещё недавно срывалось с его губ, и не смел сделать даже крошечный вдох.

Его горло будто что-то сдавило, и юноша с осторожностью спросил, прерывая долгое молчание:

— Ты не шутишь?

Юн Ци был уже готов вот-вот расплакаться, но, запинаясь проговорил:

— Я... Я...

Вне зависимости от того, что он хотел сказать, у Юн Ци совершенно не было шансов.

Лицо Юн Шаня изменилось, стало спокойным. Обнажив белоснежные зубы, юноша глубоким голосом произнёс, перебивая Юн Ци:

— Если ты посмеешь сказать, что это была шутка, я немедленно возьму верёвку и удавлю тебя.

Протянув руки к Юн Ци, Юн Шань, словно оголодавший полярный волк, крепко сжал его в объятиях и, покрывая горячими поцелуями лицо и шею, начал развязывать одежду, обнажая тело.

Если сам Юн Шань, перед тем как лечь в постель, снял с себя одежду, то Юн Ци этого не сделал. Юноша лишь ослабил тесёмку на штанах, позволяя Юн Шаню свободно пробраться внутрь.

Младшему брату пришлось снимать три слоя одежды Юн Ци. Вместо этого проще было половину разорвать на мелкие кусочки, а половину просто сорвать с тела. Если бы Юн Шань не боялся причинить Юн Ци боль, то уже давно бы так и поступил.

Раньше Юн Шань говорил, что нужно снять одежду, ни в коем случае не сломав высочайший дар — нефритовое украшение, которое красовалось на поясе, а сейчас это всё оказалось не таким важным. Юноша, невзирая на защёлку, произвольно вместе с одеждой порвал нефритовую подвеску и швырнул её на пол.

Юн Ци обеспокоенно проговорил:

— Это же подарок отца-императора, если...

— Чти самого императора, а не придавай значения этой безделушке. — Не обращая внимания на то, что он сейчас сказал, Юн Шань приблизился к округлой и нежной мочке Юн Ци и, усмехаясь, прошептал: — У меня здесь есть множество таких вещиц, и все они — высочайшие дары императора. Если мы совершим преступление, сломав одну из них, то на это никто не обратит внимание, впрочем, так же, как и раньше, когда никто не замечал, много ли подобных злодеяний было совершено или нет.

Единственное, чего боялся Юн Шань, так это того, что эффект лекарства пройдёт, и Юн Ци, придя в себя, начнёт сожалеть о содеянном.

Хватаясь за каждый миг, юноша сначала снял со старшего брата одежду, не оставив на теле ни нитки, обнял его под тёплым ватным одеялом и стал непристойно ласкать внутреннюю сторону бёдер.

Как только Юн Ци почувствовал прикосновение Юн Шаня, его обдало жаром. И робкий юноша, невольно подумав, что младший брат вновь решил успокоить его, чуть выгнулся всем телом.

Поняв мысли Юн Ци, Юн Шань глухо засмеялся. Его ладонь нагло сжала затвердевающий член и заботливо стала скользить, постепенно увеличивая темп и заставляя Юн Ци незаметно для него самого слегка раздвинуть ноги.

— Слишком рано, — всё с той же заботой проговорил Юн Шань. — Немного расслабься, я устал ждать подходящего момента. — Услышав тонкий намёк, старший брат с беспокойством открыл глаза.

Юн Шань улыбнулся очень ласково и, слегка навалившись сверху, неторопливо и осторожно стал покрывать лицо Юн Ци лёгкими поцелуями. Боясь, что может его напугать, Юн Шань позволил Юн Ци вновь закрыть глаза:

— Я не причину тебе боли, обещаю.

Рука всё так же ласкала юношу между ног, но постепенно хватка ослабла, ласки изменились, став нежными и похожими на капли моросящего дождя. Юн Шань скользнул по бедру и, найдя чувствительное место на внутренней стороне, с увлечением начал поглаживать его, специально не уделяя внимания изнывающей плоти Юн Ци, который так жаждал прикосновений Юн Шаня.

До сих пор находившийся под действием лекарства Юн Ци, через мгновение потеряв самообладание, снова открыл глаза и жалостливо поглядел на Юн Шаня.

Целуя его, Юн Шань проговорил:

— Потерпи ещё немного.

Смазав руку семенем, юноша тщательно увлажнил дырочку, а потом и свой член, чтобы проникновение было не таким болезненным.

Надавив головкой на вход, Юн Шань почувствовал, как Юн Ци от испуга сжался, как бы опасаясь, что младший брат вновь сделает ему больно, как это было в прошлом.

— Старший брат, не бойся, я не причину тебе боли.

Юн Шань не осмелился использовать силу. Ослабив свои объятия, юноша стал ждать, когда Юн Ци успокоится и станет не таким пугливым, после чего снова приставил головку ко входу и немного поддался вперёд, невесомо, почти не заметно скользя своим членом промеж соблазнительных и белоснежных ягодиц.

Глядя, с какой заботой Юн Шань относится к нему, всё ещё напряжённый Юн Ци постепенно успокоился. Почувствовав это, Юн Шань слегка навалился на юношу. Такая поза была очень утомительной. Казалось, что Юн Ци застыл в нерешительности, но, немного подумав, юноша,

вопреки ожиданиям, по доброй воле раздвинул до этого сведённые вместе ноги, чтобы Юн Шаню было удобно. Юн Ци прижал колени к себе, открывая взору младшего брата сжавшееся колечко мышц.

Юн Шань совершенно не скрывал своей радости. Приблизившись, он двинулся вперёд. Скользя рукой между разведённых в стороны бёдер, юноша медленно коснулся возбуждённого достоинства Юн Ци и прошептал:

— Здравствуй.

Юн Ци, никак не ожидав, что этот беспристрастный младший брат будет таким озорным, не удержался и растянул губы в улыбке. Но почувствовав себя неловко, он отвернулся.

Юн Шань, улыбаясь, начал покрывать Юн Ци горячими поцелуями:

— Старший брат улыбнулся.

Подождав мгновение, Юн Шань прошептал:

— Я могу начать?

Юн Ци должен был сильно испугаться, но в этот момент он не мог подавить сладкое желание, которое внезапно охватило его разум, вытесняя мрачные воспоминания. То, как Юн Шань относился к нему, вводило Юн Ци в заблуждение. Юноша не понимал, кто перед его глазами: добрый и ласковый или всё тот же ужасный и вводящий в трепет Юн Шань? Являлся ли он одним и тем же человеком? Или тогда Юн Шань был не таким уж и страшным, или он, Юн Ци, был настолько напуган, сидя в стенах Дворца Наказаний, что уже ничего не мог различить.

Он посмотрел на Юн Шаня, внезапно осознав, что это его младший брат, родившийся на два часа позже него, и которому в этом году, также как и ему, исполнилось шестнадцать лет.

Так почему же раньше он считал его старше себя, да ещё и жестоким, вселяющим страх человеком?

Сейчас, когда они находились так близко друг к другу, юноша смог увидеть в тёмных глазах Юн Шаня скрытое ребячество, а не холод и безжалостность, как ему казалось раньше.

Юн Ци прерывисто бросался от одной мысли к другой, однако юноша больше не чувствовал никакого волнения. Тяжело вздохнув, Юн Ци посмотрел на Юн Шаня, проговорив:

— Ты только никому не говори об этом.

Юн Шань готов был сказать всё, что угодно, лишь бы старший брат не сожалел об этом моменте. И, словно повинувшись волшебной музыке, юноша приблизился к его губам, запечатлел на них пламенный поцелуй и поклялся:

— Я никому не скажу, а если я хоть кому-то проболтаюсь, то пусть небо покарает меня, ниспослав мне самую мучительную смерть.

Юн Ци охватил ужас, и он проговорил:

— Не надо клясться жизнью.

Прекрасное лицо внезапно вытянулось, и с алых губ сорвался глухой и протяжный стон.

Юн Шань, воспользовавшись его минутной слабостью, подался бёдрами вперёд, ловко проникая внутрь.

— Любимый старший брат, не бойся, я не причиню тебе боли, — без умолку шептал Юн Шань, утешая и целуя юношу в губы.

Он действительно не осмелился делать с Юн Ци всё, что взбрѣдет в голову. Войдя в Юн Ци, Юн Шань замер, выжидая, когда юноша хоть немного расслабится. Только после этого Юн Шань смог бы действовать чуточку смелее, проникая в тело старшего и даря ему наслаждение.

Он множество раз брал Юн Ци, когда тот был заточѣн во Дворце Наказаний. Однако сейчас в сердце Юн Шаня этот раз был как первый. Беззаветно держа в объятиях Юн Ци, юноша обращался с ним так, словно тот был девственником. Это было похоже на брачную ночь наследного принца. Юн Шань в данную минуту обнимал самого желанного и единственного человека, с которым хотел бы провести всю жизнь. Несмотря на то, что Юн Шань терпеливо переносил это ожидание, которое причиняло ему нестерпимую боль, тем не менее в душе он всё равно был счастливее, чем когда-либо.

Когда член Юн Шаня скользнул немного глубже, Юн Ци не смог сдержаться и глухо простонал.

На этот раз Юн Ци не чувствовал мучений, что были раньше, но от большой и твёрдой плоти, проникающей в его узкую и страдающую дырочку, особого удовольствия не испытывал. Если бы Юн Шань вновь взял его силой, Юн Ци, конечно же, стал сопротивляться, однако сейчас он действовал как раз наоборот. Даже такой несообразительный юноша, как Юн Ци, почувствовав, с какой трепетной заботой и осторожностью этот до крайности возмутительный младший брат проникает в него, постеснялся сказать тому «нет». Всё ещё повинувшись Юн Шаню и слушая его тяжѣлое дыхание, Юн Ци полностью расслабился, позволяя младшему брату беспрепятственно взять себя.

Танец страсти двух братьев был невообразим. Плавные и осторожные движения Юн Шаня, которые с каждым проникновением понемногу разжигали желание, смешиваясь с действием лекарства в теле Юн Ци, постепенно приносили свои плоды.

Выражение лица Юн Ци из напряжённого стало соблазнительным.

— Ум... Ах-ха...

— Любимый старший брат, как же сладки твои стоны. — В голосе и движениях Юн Шаня чувствовались бесконечная любовь и нежность, которые с головой накрывали Юн Ци, погружая в море наслаждения.

Частое и тяжёлое дыхание, смешавшись со стонами, срывалось с его губ.

От нежных ласк Юн Шаня по телу разливалось какое-то сладостное и приятное чувство. Такую сладость ему не дарил даже Юн Линь. Последний был прелестным и глупым младшим братом, и он, Юн Ци, как старший брат, окутывал его любовью и заботой.

Однако сейчас он сам был тем, в ком души не чаяли, окружив нежностью и вниманием.

Не в силах сдержать своих чувств, юноша раскрыл своё тело, позволяя Юн Шаню увеличить темп. Когда младший брат приблизился, Юн Ци разомкнул губы, в которые тот впился страстным поцелуем.

Страх мгновенно прошёл, как парящие в небе облака, как текущая вода. Юн Ци вёл себя так, будто Юн Шань всегда относился к нему с лаской и теплотой, а не с чрезмерной жестокостью.

— Старший брат, позови меня по имени, — звучал нежный голос Юн Шаня, в котором слегка проскальзывали строгие нотки, характерные для наследника престола.

Но Юн Ци уже не боялся этих ноток. Когда он понял, что Юн Шань в моменты злости скрывает в своих глазах ребячество, упрямство и полную безрассудность, его сердце потеплело, вытеснив всю ненависть и страх.

— Юн Шань... Ох... Ум... Юн Шань... Младший брат... Ах...

Приятное чувство захлестнуло Юн Ци, заставляя того выгибаться всем телом навстречу искусным ласкам.

Губы хаотично шептали имя Юн Шаня. Однако Юн Ци смутно понимал, что стоит лишь младшему брату услышать своё имя, как он доставит ему ещё больше удовольствия.

Возможно, это то, в чём так нуждался Юн Шань.

И Юн Ци угадал.

— Старший брат, любимый старший брат, старший брат Юн Ци, — с любовью и нежностью отозвался Юн Шань, хрипло и соблазнительно выставляя имя Юн Ци.

Юн Шань увеличивал темп, с силой врываясь в тело Юн Ци, но тем не менее его взгляд был прикован к лицу старшего брата. Юноша смотрел на него, пытаясь уловить каждое лёгкое изменение, надеясь, что то счастье, которое он дарил Юн Ци, отразится на его лице, обнажая каждую частичку удовольствия.

Юн Шань чувствовал себя не как охотник, а как птица, которая попала в сети.

Он хотел обладать Юн Ци, но в итоге сам не смог сдержаться и начал искать расположения старшего брата.

Юн Шань не знал, удалось ли Юн Ци понять, о чём он сейчас думает, однако сам юноша уже достаточно был взволнован. Отдаваясь без остатка Юн Шаню, Юн Ци приоткрыл манящие губы, и младший брат тотчас же припал к ним, вовлекая его в глубокий страстный поцелуй.

Их языки сплелись, и юноша с волнением стал посасывать его.

С жадных и влажных губ сорвался несдержанный, похожий на всхлип стон.

Движения стали очень резкими, и братья, словно два юных и крайне возбуждённых зверя, беспрерывно сливались воедино. Непристойные влажные звуки, которые заполнили собой такую большую комнату, возможно, были слышны даже за закрытой дверью.

Однако сейчас никто из братьев не обращал на это внимания.

Даже Юн Ци сошёл с ума.

Бессознательно он, поддавшись соблазнам, погряз в бездне порока. Юноша смутно понимал, что, возможно, будет сожалеть о содеянном, когда придёт в себя, однако сейчас это помешательство дарило ему настоящий покой.

Двое молодых людей словно обезумели, позволяя наслаждению захватить их тела. Они вздрагивали, ожидая, когда их души ярко засияют.

Невероятная сладостная волна истомы, достигнув разума, в одно мгновение взорвалась.

— А-А-А-Ах! — звонко закричал Юн Ци, не особо волнуясь за свою репутацию.

Впервые в жизни юноша не обращал внимания на стыд. Его ноги были широко разведены в стороны, а сам он, обнажённый и принимающий бесцеремонные ласки младшего брата, запрокинул голову назад, выставляя напоказ белоснежную шею, сладостно стонал в голос, словно уличная девка.

Внутри его внезапно что-то обожгло, мгновенно охватывая тело юноши.

В глаза ударила струя белёсого семени.

— Старший брат, я люблю тебя, — прошептал на ушко Юн Шань, раскрывая юноше свои истинные чувства.

Всё закончилось...

Заклучив друг друга в нежные объятия, юноши обмякли и тяжело дышали, хватая воздух ртом.

<http://bllate.org/book/13372/1189575>